

4. Мурзилка : ежемесячный литературно-художественный журнал для детей младшего школьного возраста. – 1930, № 12. – Москва, 1930.
5. Мурзилка. – 1927. – №3: Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов. – Москва : Молодая гвардия
6. Мурзилка. 1930. – № 1. – Ежемесячный детский журнал «Рабочей газеты».
7. Мурзилка. 1933. – № 3: Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов. – Москва : Молодая гвардия.
8. Мурзилка. 1935. – №7: Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов. – Москва : Молодая гвардия.
9. Мурзилка. 1935. – № 8: Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов. – Москва: Молодая гвардия.
10. Мурзилка. 1937. – №II: Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов. – Москва : Молодая гвардия.
11. Пионер. 1934. – №15: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал для пионеров и школьников; Архив НЭДБ.
12. Пионер. 1926. – №11: Боевой общественно-литературный журнал пионеров и школьников - Москва: Комсомольская правда.
13. Пионер. 1931. – №1: Боевой общественно литературный журнал пионеров и школьников - Москва: Комсомольская правда.
14. Пионер. 1932. – №10: Боевой общественно-литературный журнал пионеров и школьников - Москва: Комсомольская правда.
15. Пионер. 1932. – №6: Боевой общественно литературный журнал пионеров и школьников – Москва : Комсомольская правда.
16. Пионер. 1933. – №2: Боевой общественно-литературный журнал пионеров и школьников – Москва : Комсомольская правда.
17. Пионер. 1935. – №10: Боевой общественно-литературный журнал пионеров и школьников. – Москва : Комсомольская правда.
18. Пионерская правда. 1933. – №2: Газета для пионеров и школьников. – Москва : Комсомольская правда.
19. Пионерская правда. 1935. – №10: Газета для пионеров и школьников. – Москва : Комсомольская правда.
20. Пионерская правда. 1935. – №6: Газета для пионеров и школьников. – Москва : Комсомольская правда.
21. Пионерская правда. 1938. – №12: Газета для пионеров и школьников. – Москва : Комсомольская правда.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НИКОЛАЯ II СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЛИЧНОСТЬ И ЭПОХА

Величко А.Д.,

*студентка 5 курса СГПИ, г. Ставрополь, Российская Федерация
Научный руководитель – Калинина Е.В., канд. ист. наук, доцент*

Ключевые слова: психологический портрет, исторический контекст, политическое лидерство, абсолютная монархия, революция, государственное управление.

Личность Николая II продолжает вызывать активные споры в исторической науке, где мнения разделяются от восприятия его как нерешительного монарха до размышляющего правителя, чьи действия определялись сложным взаимодействием личных качеств и внешних факторов. Современные

исследования позволяют переосмыслить эти противоречия через призму комплексного анализа эмоциональных и когнитивных моделей.

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью переосмысления феномена власти в условиях социальных катастроф через анализ личностных факторов и психологического профиля Николая II.

Целью статьи является построение многомерного психологического портрета Николая II, объединяющего информацию из исторических источников с современными идеями эмоционального интеллекта и когнитивных искажений.

Материал и методы. Анализ собранных данных даст возможность оценить, насколько психологический профиль последнего русского императора повлиял на значимость исторических последствий важнейших событий начала XX века. В процессе анализа были использованы специально-исторические и психологические методы.

Источники, связанные с личностью Николая II, традиционно делятся на три основные категории: мемуары современников [2], официальные государственные документы [7] и личная переписка монарха [5]. Мемуарная литература, предоставляет ценные свидетельства о повседневном поведении и привычках царя. Официальные документы отражают государственную деятельность императора в контексте управленческих решений. Личная переписка, особенно письма к супруге Александре Федоровне, раскрывает личные размышления и эмоциональные переживания Николая II.

Ключевой методологической проблемой при работе с источниками остается их политическая и персональная предвзятость. Воспоминания либеральных политиков, таких как С.Ю. Витте [2], тенденциозно акцентируют нерешительность Николая II, тогда как монархические круги идеализируют его образ как «христианского государя». Документы кабинета министров часто отражают бюрократические интриги, затрудняющие объективную реконструкцию процесса принятия решений. Эти особенности требуют применения перекрестного анализа разных типов источников для верификации данных.

Результаты и их обсуждение. Исторические источники свидетельствуют о глубокой приверженности Николая II традиционным ценностям самодержавия и православия. Эта особенность проявлялась в устойчивом предпочтении проверенных временем подходов к управлению государством. Монарх демонстрировал осторожное отношение к социальным и политическим новациям. В сфере государственного управления консервативная позиция Николая II выражалась в сдержанном отношении к институциональным реформам. Император последовательно отстаивал принцип незыблемости самодержавной власти, что ограничивало адаптацию политической системы к вызовам времени что обуславливало сопротивление модернизационным процессам.

Добросовестность, как основная черта личности Николая II, проявлялась в строгом соблюдении ритуалов повседневной жизни и выполнении своих монарших обязанностей. «Шкала «контролирование»

(«саморегуляция», «самоконтроль», «С-фактор») демонстрирует, насколько ответственно человек подходит к своим обязанностям, его целеустремленность, организованность и мотивацию. Высокие баллы по этой шкале указывают на надежную, пунктуальную, самодисциплинированную и педантичную личность. Низкие баллы свидетельствуют о лени, беспечности, слабой воле и отсутствии целеустремленности» [3, с. 42].

Показатели нейротизма у Николая II отражали склонность к эмоциональной нестабильности в кризисных ситуациях. В периоды политических потрясений, таких как революция 1905 года или Февральская революция 1917 года, отмечались колебания в принятии решений и проявления тревожности.

Аналитическое мышление монарха в условиях политических кризисов характеризовалось склонностью к детальной проверке официальной информации и опорой на иерархические способы передачи информации.

Православное восприятие мира выступало для Николая II как центральная система ценностей, которая задавала моральные ориентиры и нормы поведения. Эта система формировала представление о монархе как о носителе сакральной миссии и о государстве как институте, требующего защиты нравственного порядка. В результате религиозный аспект абсолютной власти служил когнитивным фильтром при оценке реформ и общественных требований.

Династические и личные отношения с супругой выступали важным пространством формирования эмоциональных стратегий и политических представлений. Личные коммуникации внутри брака создавали канал для циркуляции взглядов и советов, что сказывалось на предпочтении личных, а не институциональных источников решения.

Политические кризисы начала XX века, в частности поражение в русско-японской войне и революция 1905 года, формировали у Николая II восприятие власти как осажденной крепости. Эти события усилили представление о внешних и внутренних угрозах, что способствовало росту недоверия к реформаторским инициативам и элитам. В психологическом плане это проявлялось в склонности к оборонительной стратегии, основанной на укреплении традиционных институтов власти.

Индустриализация и рост рабочего движения создали устойчивое социальное давление, направленное против традиционных элит и монархического строя: «Николай II, был фактически заложником унаследованных им политических структур и принципов власти (абсолютной монархии), отход от которых он отождествлял с предательством интересов Родины» [4, с. 31]. Такое положение усиливало консервацию авторитарных установок, поскольку модернизационные требования воспринимались как угроза существующим нормам власти.

Ближайшее окружение Николая II, включавшее консервативных деятелей вроде К.П. Победоносцева и Г.Е. Распутина, существенно влияло на формирование его управленческих стратегий. Эти фигуры способствовали усилению авторитарных наклонностей в политике императора, используя свое идеологическое и личное влияние. В теоретико-методологических подходах

в исследовании психологических особенностей политических элит автор констатирует: «Влияние лидера осуществляется при участии ближайшего окружения, причем лидер и элита обнаруживают общий когнитивный стиль» [9, с. 27], так было и с окружением Николая Александровича.

Мировоззрение императора сложилось под влиянием строгого семейного воспитания в духе патриархальных традиций и религиозного детерминизма. Гиперопека со стороны матери Марии Федоровны и авторитарный стиль отца Александра III сформировали установку на сохранение самодержавных принципов как нерушимой догмы.

Исторические источники свидетельствуют о концентрации Николая II на второстепенных административных вопросах в ущерб системному анализу политических рисков, о чем говорится в воспоминаниях Сергея Юльевича Витте [2, с. 567].

Психологический портрет Николая II выявляет совокупность личностных характеристик монарха, включающих склонность к традиционным убеждениям и осторожный стиль принятия решений. Внутренняя ориентация на сохранение целостности системы власти формировала предрасположенность к выбору мер, направленных на поддержание стабильности. В конкретных стратегических решениях влияние личностных факторов проявлялось через предпочтение согласованных и выжидательных тактик вместо резких реформ.

Сквозь призму теории эмоционального интеллекта кризисные решения императора, от Кровавого воскресенья до отречения, раскрывают фундаментальную особенность его мировоззрения – восприятие власти как формы личной жертвенности, а не инструмента стратегического управления. Такой нарратив, укорененный в семейных ценностях и религиозных убеждениях, предопределил неизбежные просчеты в оценке политических рисков и социальных динамик. Император интерпретировал управленческие задачи через этическую призму долга, игнорируя прагматические аспекты принятия решений.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает ценность синтеза исторического и психологического подходов для реконструкции ментальных паттернов лидеров прошлого. Такой междисциплинарный анализ не только позволяет переосмыслить мотивацию ключевых решений Николая II, но и создает методологическую основу для изучения современных управленческих кризисов. Полученные результаты демонстрируют, как глубинные личностные характеристики могут становиться катализаторами исторических процессов, расширяя понимание взаимосвязи между индивидуальным и коллективным в социальной динамике.

1. Винобер, А. В. Психоистория гражданской войны в России (1917–1922 гг.). Очерк третий: «красный» и «белый» террор // Вестник института развития ноосферы. – 2019. – №1. – С. 81–85.

2. Витте, С. Ю. Воспоминания: в 3 т. / С. Ю. Витте; ред. Н. А. Троицкий. – Москва : Изд-во соц.-экон. лит., 1960. – С. 526–635.

3. Воронкова, Я. Ю. «Большая пятёрка», или пятифакторная модель личности / Я. Ю. Воронкова, О. М. Радюк, И. В. Басинская // Смысл, функции и значение разных отраслей практической психологии в современном обществе: сборник науч. трудов. – Хабаровск, 2017. – С. 39–45.
4. Золотарева, К. А. Штрихи к портрету последнего российского императора // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». – 2019. – №1. – С. 30–34.
5. Переписка Николая и Александры, 1914–1917 / [сост.: А. А. Сергеев]. – Москва : Захаров, изд-во И. Е. Богат, 2013. – С. 725–736 с.
6. Петров, К. Е. Образы политических лидеров в условиях современности сквозь призму классических концепций // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – №3. – С. 6–14.
7. Протокол заседания Государственной думы Российской империи. Заседание № 23, 1906 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1278. Оп. 1. Д. 23. Л. – С. 1–10.
8. Суперанская, С. С. Мета-анализ кросс-культурных исследований пятифакторной модели черт личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2025. – №10. – С. 75–85.
9. Царицына, П. М. Теоретико-методологические подходы в исследовании психологических особенностей политических элит // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. – 2025. – №2. – С. 23–31.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСКАЖЕНИЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Виноградова Е.А.,

*студентка 2 курса СГПИ, г. Ставрополь, Российская Федерация
Научный руководитель – Володькова Е.Н., канд. ист. наук, доцент*

Ключевые слова: правонарушение, историческая истина, защита исторической памяти, уголовная ответственность, судебная практика.

Современные геополитические конфликты все чаще используют историческое наследие как инструмент информационного противоборства, что особенно проявляется в попытках пересмотра ключевых событий XX века. В Российской Федерации особую остроту приобретают вопросы защиты исторической правды о Великой Отечественной войне, где сознательное искажение фактов превратилось в элемент подрыва национального суверенитета. Данный контекст *актуализирует* необходимость системного анализа правовых механизмов противодействия фальсификациям через призму судебной практики, что позволяет оценить эффективность защиты исторической памяти на институциональном уровне.

Целью работы выступает выявление системных закономерностей применения норм об ответственности за исторический ревизионизм на основе анализа прецедентов Верховного Суда РФ и региональных инстанций.